

о. АНДРЕЙ (ЛОГВИНОВ)

С ПАСХАЛЬНОЙ СВЕЖЕСТЬЮ ЗЕМЛИ

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Я люблю не понарошку —
Тут уж мне не прекословь, —
Разверну души гармошку:
Покажись, моя любовь!

Я пройду, как по деревне,
По галактике кругом.
К белой церкви, как к царевне,
Сердце выскочит бегом.

Не страшит меня огласка —
На виду любовь моя:
У меня зазноба — Пасха
Нес- кон- ча- е- ма- я!

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич (о. Андрей) родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителемствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

По сиреновой вселенной,
Развернув души меха,
Я пройду, неся нетленный
Свет библейского стиха.

ГОСПОДЬ НЕ ОСТАВИТ

Себе самому в назиданье
Скорей, чем излюбленный стих,
Твержу, как пароль, заклинанье:
Господь не оставит Своих!

В житейском глухом бездорожье,
Где голос отчаянья лих,
Вся суть, чтоб мы сделались — Божьи.
А Он — не оставит Своих.

Не выдаст, не кинет, не бросит.
И, может быть, даже потом,
Как блудного сына, не спросит,
Но вытянет — Сына Крестом.

Стать ближе к Нему и полезней..
Но даже несильных таких
В невзгоде, в беде и в болезни —
Господь не оставит Своих.

И сердце, как чётки, листает,
Где голос надежды затих:
Господь — Он Своих не оставит,
Господь не оставит — Своих!

ПРОРОК

Поэт неизбежно — пророк,
коль живы пророки доньше.
Но горек пророка пирог
и строки не слаще полыни.

Душа его высшим живёт,
где черплет и смыслы, и сроки.
Но плоть от пророка — народ,
что укоренился в пороке...

Для многих он кажется глуп,
раз речи темны и не гладки.
Но он и не мнит, что он пуп.
Он — след от Божественной пятки.

Он — ямка всего лишь в песке,
чей край осыпается вскоре.
Он видит в смертельной тоске
грядущее горе, как море.

И тем, кто в нём зрит благодать
и жаждет узнать о грядущем,
он вместо ответа — рыдать
берётся всё чаще и пуще...

* * *

Построить легче дом,
чем выстроить себя.
Там — силой и трудом,
тут — плача и скорбя.

Дом нынче не вопрос —
хватило бы рублей.
А тут — не хватит слёз,
не хватит жизни всей...

* * *

Как отрадно в церкви снова
зимним синим днём
жизнь примерить — как обнову
с молодым огнём!

За окошком снег клоками.
Грудкой снегиря,
нет, — из печки угольками —
в уголку заря.

Солнце в зиму неторопко.
Оглядело мир —
и сошло знакомой тропкой
в золотой потир.

Причащались прихожане
солнцем Рождества.
Золотые в зимней рани
звали жить слова.

ТОГДА

Тогда в Москве сады цвели...
Невестилось Замоскворечье
с пасхальной свежестью земли
и ласковостью русской речи.
Лужайкой цельною трава
вползала на московский дворик.
Имел несметные права
на каждую соринку дворник.
И от Спасителя Христа
и до Великого Ивана
небес победных высота
крепилась звоном неустанно.
Тогда везде цвели сады.
Был шаг истории неспешен.
Ещё никто не ждал беды
Средь вишен белых и скворешен...

СИРЕНЬ

День у меня набекрень.
Словно во сне роковом
в платье промокнувшем сирень
машет в окне рукавом.

В белые ночи уйдёт —
буду опять в дураках!..
Радуясь, как идиот,
платье ношу на руках.

Тучи твердят про мигрень.
Жду — как весну и княжну:
пусть с соловьями сирень
сердце подержит в плену!

Ей прежде всяких невест
клясться на верность готов,
ибо готова на крест,
вся целиком из крестов.

Ночь у неё набекрень:
словно в навязчивом сне
виолончелью сирень
не исчезает во мне.

* * *

Березняка на холме
белоногая конница
с шумом промчится —
зелёный развеется дым..
Белую звонницу
мучит в июне бессонница,
Белая звонница
свечкой стоит Всем Святым.

Маковка лета
цветением ластится к Троице,
день — хоть в корзинах
излишки его выноси.
Время плодов Божьей милостью
тоже устроится,
если укроется в Троице
сердце Руси.

ПИСЬМА

Измучен за последние недели,
я провалился в долгожданный сон.
Я спал уже, а письма все летели
на мой, хранящий тайну, телефон.

За тыщу вёрст, усталости не зная,
хотя самой досталось на веку,
молилась обо мне душа родная
и присылала за строкой строку.

На отогретой нежностью постели —
такие строчки не купить рублём! —
я спал давно... а письма все летели,
как чайки за уплывшим кораблём.

* * *

Отпусти меня, родина древняя,
пуповиной своей не держи.
Как сходящая в землю деревня,
я стою у последней межи.

Отпусти меня, даль неоглядная,
ты, поляна, ты, клик журавлей.
Для небес непростительно жадно я
жил одною Россией моей.

Отпусти меня, душенька рóдная:
я — судьбы недостроенный сруб,
потому и живу непригодно я —
ни для глаз, ни для рук, ни для губ.

Отпусти... но заботы, как клавиши,
начинают все громче звучать.
И тяну я опять “отпускаеши”,
и — опять не дают отпускать.

Автору и задушевному другу редакции “Нашего современника” о. Андрею Логвинову исполняется 60 лет. Среди многих священников, пишущих стихи — кто более, кто менее талантливо, о. Андрей отличается тем, что ему, на мой взгляд, удалось перенести в поэзию особенности речи русского батюшки: взволнованность, патетику — и одновременно простоту, непоказное смирение вкупе с радостным осознанием силы, которую даёт своим причастникам Православие. Художественный мир, созданный о. Андреем, — это продолжение пространства храма, а в его поэтическом слове слышны отголоски церковной службы.

С удовольствием поздравляю нашего дорогого батюшку-поэта с юбилеем! Доброго здоровья, вдохновенного пастырского служения и новых стихов, отец Андрей!

Александр Казинцев